

Ты считаешь, что ты — беда,
Но ты — лекарство.
Ты считаешь, что ты — замок на двери,
Но ты — ключ, которым его отпирают.
Руми

Стоило мне только обнаружить смысл
жизни, как его изменили.

Джордж Карлин

Глава 1

ЯО

Я в порядке, — сказала женщина. — Я в полном порядке.
ЯО не казалось, что она в порядке.

Шел первый день его работы стажером-парамедиком. Его третий вызов. ЯО не нервничал, но постоянно находился в состоянии максимальной концентрации: он не мог позволить себе даже малейшей ошибки. Еще в детстве собственные неудачи вызывали у ЯО безутешные рыдания, и до сих пор осознание промаха скручивало желудок узлом.

Капелька пота скатилась по лицу женщины, оставив улиточный след на макияже. ЯО задался было вопросом, почему женщины так любят красить лица в оранжевый, но это явно не имело отношения к делу.

— Я в порядке, — сказала она с легким восточно-европейским акцентом. Может, какой-то скоротечный вирус.

«Подмечай все, что касается твоего пациента, внимательно изучай его и все, что вокруг, не упускай ни одной детали, — говорил ЯО его наставник Финн. — Считаю себя секретным агентом, собирающим диагностические улики».

ЯО изучал грузную женщину средних лет с удивительными глазами цвета морской волны, подкра-

шенными пронзительно-розовыми тенями, и тонкими, как паутинка, каштановыми волосами, собранными в жалкий узелок на затылке. Бледная кожа покрыта холодным потом, дыхание прерывистое. Застарелый запах табака выдает заядлую курильщицу. Большая шишка, если считать свидетельством корпоративного статуса размер роскошного углового офиса с огромными окнами и открывающимся из них видом на гавань. Семнадцатый этаж, паруса Сиднейской оперы так близко, что можно разглядеть каждую из белых и бежевых керамических плиток облицовки.

Ладонь женщины лежала на компьютерной мыши. Она просматривала почту на огромном мониторе, не обращая внимания на докучливых парамедиков. Будто они всего лишь ремонтники, зашедшие починить неисправную розетку. Сшитый на заказ синий деловой костюм выглядел неудобным, жакет был явно мал ей в плечах — не костюм, а пытка.

Яо взял свободную руку женщины и прицепил ей на палец пульсовой оксиметр. На предплечье лоснилось красноватое шелушащееся пятнышко... Предрасположенность к диабету?

— Маша, вы принимаете какие-нибудь лекарства? — спросил Финн.

С пациентами наставник разговаривал по-приятельски свободно, словно за барбекю, со стаканом пива в руке.

Яо заметил, что Финн всегда называет пациентов по имени, тогда как сам он стеснялся такой фамильярности. Что ж, если так пациенты становятся разговорчивее, придется научиться справляться со своей стеснительностью.

— Я вообще никаких лекарств не принимаю, — сказала Маша, не сводя взгляда с экрана компьютера,

решительно кликнула мышью и только после этого посмотрела на Финна; глаза у нее были такие, словно она одолжила их у какой-то красотки, и Йо решил, что она носит цветные контактные линзы. — С моим здоровьем все в порядке, так что извините, что отняла время у «скорой», которую даже не вызывала.

— «Скорую» вызвала я, — вмешалась очень хорошенькая темноволосая молодая женщина в туфельках на высоком каблуке и в узкой юбке в клетку, рисунок которой изящно сочетался с узором облицовочной плитки Оперного театра за окном. Юбка смотрелась превосходно и формально была одной из тех деталей, которые Йо следовало подмечать. Впрочем, явно незначительной в данную минуту. Девушка грызла ноготь мизинца. — Я ее личный секретарь. Она... — Девушка понизила голос, словно собралась сказать о чем-то постыдном. — Она сперва ужасно побледнела, а потом упала с кресла.

— Я не падала с кресла! — отрезала Маша.

— Она как бы соскользнула с кресла, — поправилась девушка.

— Просто у меня вдруг закружилась голова, — сказала Маша Финну. — А потом я сразу же вернулась к работе. Мы не могли бы побыстрее закончить с этим? Я с удовольствием оплачу вам выезд по преискуранту, или как вы там берете за свои услуги. У меня, конечно, персональный страховой полис, но сейчас просто нет времени для всего этого. — Она обратилась к помощнице: — В одиннадцать встреча с Райаном, да?

— Я отменю.

— Кажется, я услышал свое имя? — произнес появившийся в дверях посетитель. — Что тут происходит?

Развязной походкой в комнату вошел молодой мужчина в пурпурной рубашке в обтяжку. В руках он держал несколько папок и говорил с сочным британским акцентом, словно член королевской семьи.

— Ничего не происходит, — сказала Маша. — Садись.

— Маша сейчас не может никого принять! — воскликнула несчастная секретарша.

Яо проникся к ней сочувствием. Он не любил легкомыслия в том, что касалось здоровья, и считал, что его профессия заслуживает большего уважения. А еще он испытывал сильную неприязнь к пижонам с модной укладкой, позерским акцентом, хвастающих накачанными грудными мышцами, обтянутыми тесной пурпурной рубашкой.

— Нет-нет, Райан, садись! Это не займет много времени. Я в порядке. — Маша сделала нетерпеливый жест в сторону кресла.

— Маша, давайте я хотя бы измерю ваше давление. — Яо набрался смелости и наконец-то назвал пациентку по имени, одновременно накручивая ей на руку манжету.

— Сначала нужно снять жакет. — Голос Финна звучал шутливо. — Вы деловая женщина, Маша.

— Но мне и в самом деле необходимо ее разрешение по этим проектам, — обратился молодой человек к секретарше, понизив голос.

«А мне в самом деле необходимо проверить жизненные показатели твоего босса, сукин ты сын», — подумал Яо.

Финн помог Маше снять жакет, услужливо повесив его на спинку кресла.

— Давай посмотрим эти документы, Райан. — Маша поправила пуговицы на шелковой блузке кремового цвета.

— Мне нужны только подписи на двух первых страницах. — Молодой человек протянул ей папку.

— Ты что, издеваешься?! — всплеснула руками секретарша.

— Приятель, вам нужно зайти в другой раз, — сказал Финн с нескрываемой резкостью.

Парень было отступил, но Маша щелчком пальцев подозвала его к себе. Райан тут же скакнул вперед и передал ей папку. Машу он явно считал более грозной, чем Финна, а это кое о чем говорило: парамедик был крепким парнем.

— Это займет четырнадцать секунд максимум, — сказала она Финну.

На слове «максимум» в голосе Маши прорезалась хрипотца.

Яо, все еще держащий манжету тонометра, посмотрел на Финна.

Голова Маши склонилась набок, словно женщина внезапно задремала. Папка выскользнула из пальцев.

Женщина рухнула головой на стол, руки повисли, как у марионетки.

— Вот! — торжествующе проговорила секретарша. — Так она и упала тогда!

— Господи! — Парень в пурпурной рубашке отступил. — Ничего себе!.. Прошу прощения... Я только...

— Давайте-ка, Маша, положим вас на пол, — сказал Финн.

Парамедик ухватил ее под мышки, Яо взял за ноги, крикнув от усилия. Очень высокая женщина, понял он, гораздо выше его самого. Не меньше шести футов, и тяжелая. Вдвоем они уложили ее на бок на серый ковер. Финн свернул жакет и подsunул ей под голову.

Левая рука Маши, одеревеневшая и неуклюжая, как конечность зомби, застыла над головой, кисти судорожно сжаты в кулаки. Как и прежде, она втягивала воздух резкими толчками, тело ее при этом оставалось неподвижным.

Это был приступ.

Зрелище не самое приятное, но Яо знал: нужно просто дождаться, когда он закончится. На шее Маши не было ничего, что Яо мог бы расстегнуть или снять. Он осмотрел пространство вокруг: удариться головой тут не обо что.

— Раньше с ней такое случалось? — спросил Финн.

— Нет. Хотя... было что-то вроде обмороков. — Секретарша наблюдала за происходящим расширенными от ужаса глазами, но отвести взгляд не могла.

— Значит, приступов не было? — уточнил Финн.

— Не знаю.

Девушка потихоньку отступала к двери кабинета, где уже собралась небольшая толпа. Кто-то снимал на мобильник, словно приступ босса был чем-то вроде рок-концерта.

— Начинай массаж сердца. — Взгляд Финна окаменел, став совсем невыразительным.

На мгновение — не больше секунды — Яо замер, пока его мозг пытался осмыслить случившееся. Он навсегда запомнит этот миг тупого непонимания. Яо знал, что остановка сердечной деятельности может сопровождаться симптомами, сходными с симптомами эпилептического припадка, но совершенно забыл об этом, потому что был абсолютно убежден в правильности первоначального диагноза. Это было ошибкой. Если бы не Финн, Яо так и сидел бы на корточках, наблюдая за женщиной с остановившимся сердцем.

Так летчик, доверившийся приборам, ведет неисправный самолет к катастрофе. Доверившись сегодня своему разуму — казалось, точнейшему из приборов, — Яо совершил ошибку.

После двух разрядов дефибриллятора они так и не смогли получить устойчивый сердечный ритм. Полная остановка сердца произошла у Маши Дмитриченко в тот момент, когда ее выносили из углового кабинета, в который ей не суждено было вернуться.

Глава 2

Десять лет спустя

ФРЭНСИС

В жаркий безоблачный январский день Фрэнсис Уэлти, в прошлом популярный автор любовных романов, в одиночестве ехала на северо-запад через буш в шести часах от Сиднея.

Перед глазами гипнотически разворачивалась черная лента шоссе, а кондиционер работал вовсю, выдувая в лицо арктически холодный воздух. Небо гигантским голубым куполом раскинулось над крохотным одиноким автомобилем. На ее вкус, неба было слишком уж много.

Она улыбнулась, вспомнив одного из брюзгливых обозревателей «Трип эдвайзера»¹: «И тогда я позвонил на ресепшен и попросил более низкого, более облачного, более уютного неба. Женщина с сильным иностранным акцентом ответила, что другого неба у них нет! И она говорила очень грубо! **НОГИ МОЕЙ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ. ПУСТАЯ ТРАТА ДЕНЕГ**».

Фрэнсис пришло в голову, что она, вполне возможно, близка к помешательству.

¹ Сайт, специализирующийся на советах путешественникам, авторами сайта являются сами пользователи. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Нет, ни к чему такому она не близка. Она в порядке. Абсолютно в своем уме. Это правда, которая не подлежит сомнению.

Не отпуская руля, она несколько раз согнула и разогнула кисти рук, чтобы размять запястья, моргнула сухими глазами за стеклами солнцезащитных очков и зевнула до хруста в челюстях.

— Ой, — вырвалось у Фрэнсис, хотя больно ей не было.

Она вздохнула, глядя в окно в поисках хоть чего-то, способного разрушить монотонность ландшафта. Все такое суровое и неприветливое. Кругом одно и то же: жужжание мясных мух, скорбные крики ворон и раскаленное до белизны немилосердное солнце. Вот уж воистину бескрайняя выжженная земля.

Ну же. Покажи мне корову, урожай, сарай. Я вижу что-то, начинающееся на...

На «Н». Ничего.

Фрэнсис поерзала на сиденье, и поясница отозвалась такой болью, что на глазах выступили слезы.

— Господи! — жалобно проговорила она.

Боль в пояснице началась две недели назад, в тот день, когда Фрэнсис наконец смирилась с тем, что Пол Дрэббл исчез. Она набирала номер полиции и пыталась сообразить, как ей назвать Пола — женихом, бойфрендом, любовником или близким другом, — когда почувствовала первый укол. Конечно, Фрэнсис понимала, что боль психосоматическая, но легче от этого понимания не становилось.

Даже странно, что зеркало отражало все ту же белую и мягкую поясницу. Она не удивилась бы, увидев устрашающее переплетение узловатых древесных корней.

Часы на приборной доске показывали без трех минут три. Поворот мог появиться в любую минуту. Когда она звонила в «Транквиллум-хаус», чтобы забронировать номер, то договорилась, что приедет между половиной четвертого и четырьмя, и пока никаких незапланированных задержек не случилось.

«Транквиллум-хаус» представлял собой «первоклассный оздоровительный велнесс-пансионат». Это заведение Фрэнсис рекомендовала ее подруга Эллен.

— Тебе нужно подлечиться, — сказала Эллен после третьего коктейля (превосходный белый персиковый «Беллини») за ланчем на прошлой неделе. — Дерьмово выглядишь.

Эллен очищалась в «Транквиллум-хаусе» три года назад, когда она тоже выгорела, истощилась, потеряла форму и...

— Да-да, я тебя понимаю, — откликнулась Фрэнсис.

— Оно такое... необычное, это место, — сказала Эллен. — У них совершенно оригинальный подход. Он меняет жизнь.

— И как именно изменилась твоя жизнь? — резонно спросила Фрэнсис, но ясного ответа так и не услышала. В конечном счете все свелось к белкам глаз Эллен, которые стали по-настоящему белыми, просто пугающе. К тому же она потеряла три килограмма! Эллен особо подчеркивала этот факт, хотя никакой потери веса «Транквиллум-хаус» не обещал. Пансионат специализировался на велнесе, но какая женщина будет жалеть о потере трех килограммов? Уж точно не Эллен. И не Фрэнсис.

Фрэнсис отправилась домой и нашла пансионат в Интернете. Она никогда не была склонна отказы-

вать себе в чем-нибудь, никогда не мучила себя диетами и редко говорила «нет», если хотелось ответить «да». По словам ее матери, первым алчным словом Фрэнсис было «еще». Ей всегда хотелось еще.

И все же фотографии «Транквиллум-хауса» неожиданно наполнили ее странным желанием. Залитые золотистым светом, все они были сделаны на восходе или на закате или просто пропущены через соответствующие фильтры. Люди (обнадеживающе не первой молодости) застыли в боевых позах среди белых роз на фоне красивого сельского дома. Пара релаксирует в одном из «природных термальных источников». Головы запрокинуты, глаза закрыты, на лицах обоих блаженные улыбки, а вокруг бурлит и пузырится вода. На другом снимке женщина наслаждается массажем горячими камнями на шезлонге у бассейна, в котором плескалась аквамариновая вода. Фрэнсис воображала, что эти горячие камни лежат в восхитительной симметрии на ее собственной спине, волшебным теплом растворяя ее боль.

Она мечтала о горячих источниках и мягкой йоге, когда на экране возникло срочное послание:

Осталось всего одно место для эксклюзивного десятидневного курса полного преобразования тела!

Фрэнсис почувствовала глупый азарт и кликнула по ссылке:

Зарезервировать сейчас.

На самом деле она не верила, что место действительно последнее. Тем не менее она чертовски быстро — на всякий случай — ввела сведения о своей кредитке.

Похоже, за эти десять дней она и правда «преобразится», «как и представить себе не могла». Там будет голодание, медитация, йога и креативные упражнения для освобождения от ненужных эмоций. Не будет ни алкоголя, ни сахара, ни кофеина, ни глютена, ни молочных продуктов, но поскольку у Фрэнсис еще свежи были воспоминания о дегустационном меню в «Четырех сезонах», где она напичкала себя алкоголем, сахаром, кофеином, глютенем и молочными продуктами, мысль о разлуке с ними уже не казалась такой мучительной. Блюда будут персонализированы под ее уникальные потребности.

До того как резервирование было подтверждено, Фрэнсис пришлось ответить на очень длинную и довольно неприятную анкету с вопросами о ее семейном положении, питании, состоянии здоровья, потреблении алкоголя в предыдущую неделю и так далее. Она бодро наврала ответы. Все это их совершенно не касается. Ей даже пришлось загрузить свою фотографию. Фрэнсис послала ту, где они за ланчем с Эллен в «Четырех сезонах», с «Беллини» в руке.

Фрэнсис отметила в предложенном списке услуг — от интенсивных консультаций для пар до значительной потери веса — те, которые ей понравились, например духовное питание.

Как это часто бывает в жизни, идея на первый взгляд казалась просто отличной.

Отзывы о «Транквиллум-хаусе», которые она просмотрела *после* того, как перевела платеж, оказались весьма противоречивыми. Одни посетители были в полном восторге: писали о никогда прежде не испытанных ощущениях и желали дать отелю больше пяти звезд, причем выше всего оценивались еда, горячие источники и персонал. Другие, наоборот, говорили

о худших днях в жизни, посттравматическом стрессе и угрожали судебным преследованием.

Фрэнсис еще раз посмотрела на часы, надеясь, что время перевалило за три.

Прекрати. Сосредоточься. Глаза на дорогу, Фрэнсис. Ты за рулем.

Уловив периферическим зрением какое-то движение, она вздрогнула, готовая к сильному удару. К тому, что кенгуру влетит к ней через разбитое ветровое стекло.

Ничего. Все эти воображаемые столкновения с дикой природой существовали только в ее голове. Чему быть, того не миновать. Времени на то, чтобы среагировать, у нее все равно не будет.

Она помнила давнюю поездку с бойфрендом. Они увидели умирающего эму, сбитого посреди автострады. Фрэнсис осталась на пассажирском сиденье, пассивная принцесса, а ее парень вышел и добил беднягу камнем. Одним сильным ударом по голове. Когда он вернулся на водительское место, то был потен и возбужден, этот городской мальчишка, воодушевленный сознанием собственной крутизны. Фрэнсис никогда не простила ему этот потливый восторг. Ему понравилось это убийство.

Фрэнсис не была уверена в том, что сможет добить умирающее животное — даже теперь, когда ей пятьдесят два, она финансово обеспечена и слишком стара для роли принцессы.

— Ты смогла бы убить эму, — произнесла она. — Запросто.

Господи! Она только что вспомнила, что этот ее бойфренд мертв. Постой, точно мертв? Да, определенно. Слухи об этом дошли до нее всего несколько лет назад. Предположительно осложнение после пневмо-

нии. Гэри постоянно мучили простуды, а Фрэнсис никогда ему особо не сочувствовала.

В этот самый момент из ее носа потекло, как из крана. Ничего не скажешь, очень вовремя. Одной рукой Фрэнсис держала баранку, а тыльной стороной другой утирала соплю. Отвратительно! Надо полагать, это Гэри мстил ей из могилы. Впрочем, вполне справедливо. Когда-то они вместе путешествовали и притворялись влюбленными, а теперь она даже толком не помнит, жив он или нет.

Она попросила прощения у Гэри, хотя если бы он и в самом деле знал ее мысли, то понимал бы, что она не виновата. В ее возрасте он и сам бы убедился, как мысли теряют четкость, а память становится все слабее. К счастью, не всегда.

Гэри, иногда моя голова еще неплохо варит.

Она снова шмыгнула носом. Казалось, что эта жуткая простуда мучит ее даже дольше, чем боль в пояснице. Разве она не хлюпала носом и в тот день, когда привезла свою рукопись? Три недели назад. Ее девятнадцатый роман. Она до сих пор ждала ответа издателя. Давным-давно, в конце девяностых, во времена ее расцвета, редактор в течение двух дней отправил бы ей шампанское и букет цветов с запиской: «Очередной шедевр!»

Фрэнсис понимала, что ее лучшие дни позади, но все еще считала себя крепким середнячком. Хвалебное письмо по электронке не помешало бы.

Или хотя бы дружеское.

Или хотя бы строчку наспех: «Извините, пока никак, но вся в нетерпении!» Это было бы вежливо.

Страх, который она отказывалась признавать, пытался проползти в ее подсознание. Нет. Нет. И в помине ничего такого.

Фрэнсис сжала баранку и попыталась успокоить дыхание. Она принимала таблетки от простуды и гриппа, от псевдоэфедрина ее сердце колотилось как сумасшедшее, словно предчувствуя что-то чудесное или ужасное. Это напомнило ощущения, которые она испытывала, идя к алтарю в дни обеих своих свадеб.

Вероятно, она все же подседа на эти таблетки от простуды и гриппа. В ней вообще легко поселялась любая зависимость. Мужчины. Еда. Вино. Да она прямо сейчас выпила бы бокальчик вина, пока солнце еще высоко. В последнее время она пила — не запойно, конечно, но явно с бóльшим энтузиазмом, чем обычно. Она оказалась на скользкой дорожке, катится к наркомании и алкоголизму! Как хорошо знать, что она все еще способна круто меняться. Дома Фрэнсис ждала полупустая бутылка пино нуар, беззастенчиво стоящая на письменном столе — пусть все видят (видела только уборщица). Она была настоящим Эрнестом, мать его, Хемингуэем! У Хэма, кажется, тоже болела поясница? Короче, масса общего.

Вот только Фрэнсис питала слабость к прилагательным. Она разбрасывала их по своим романам, как декоративные подушечки. Какую там цитату Марка Твена все время бормотал себе под нос Сол, читая ее рукопись, — бормотал громко, чтобы она слышала? «Как поймаешь прилагательное, сразу убей его».

Сол был настоящим мужчиной. Он не любил прилагательные и декоративные подушечки. Фрэнсис часто вспоминала Сола в своей постели: как он шутиливо ругался, вытаскивая очередную подушечку из-под ее головы и швыряя в угол комнаты, а она только хихикала. Фрэнсис тряхнула головой, прогоняя эту кар-

тину. Приятные сексуальные воспоминания она воспринимала как очко в пользу первого мужа.

Когда в жизни Фрэнсис все было хорошо, она обоим своим бывшим мужьям не желала ничего, кроме счастья и отличной эрекции. Но сейчас она накликивала на их седые головы все казни египетские.

Она пососала кончик большого пальца правой руки — больно порезала его кромкой бумаги. Время от времени палец начинал пульсировать, напоминая, что даже самый мелкий из ее недугов способен отравить день.

Машина выехала на неровную часть дороги, и Фрэнсис, вытащив палец изо рта, обеими руками ухватилась за баранку. «Оп-паньки!»

Ноги у нее были довольно короткие, так что сиденье приходилось придвигать как можно ближе к рулю. Генри говорил, что вид у нее такой, будто она за рулем детской машинки в парке аттракционов. Ему это нравилось. Но по прошествии пяти, что ли, лет он уже не считал это милым и вечно ругался, когда ему приходилось отодвигать сиденье, садясь за руль.

Ей тоже лет пять нравилось, что он разговаривает во сне.

Внимание!

Дикий пейзаж остался позади. Наконец-то знак. «Добро пожаловать в Джаррибонг. Мы гордимся званием ЧИСТЫЙ ГОРОД».

Фрэнсис отпустила педаль газа, и стрелочка спидометра остановилась на разрешенных пятидесяти милях в час — такая скорость казалась до нелепости медленной.

Она крутила головой, разглядывая город. Китайский ресторан с выцветшим красно-золотым драконом на дверях. Станция техобслуживания — кажется,

закрытая. Здание почты из красного кирпича. Винный магазин, в котором можно купить бутылочку, не выходя из машины, — вроде бы работающий. Совершенно ненужное, кажется, полицейское отделение. На улицах ни души. Город, может, и чистый, но выглядит совершенно постапокалиптическим.

Она подумала о своей последней рукописи. Действие в новом романе происходило в маленьком городке. Это тоже был маленький городок — один из многих, ничем не приукрашенный в своей мрачной реальности. Не очаровательная, созданная ее воображением приютившаяся в горах деревенька с теплым многолюдным ресторанчиком, в котором пахнет корицей, и — самое удивительное! — с книжным магазинчиком, предположительно прибыльным. Критики правомерно называли бы роман слащавым, но рукопись, вероятно, не отдавали на рецензию. К тому же она никогда не читала рецензии на свои книги.

Значит, вот он какой — старый добрый Джаррибонг. Прощай, маленький грустный чистый город.

Она нажала педаль газа и посмотрела на стрелку спидометра, вернувшуюся к сотне. На сайте было сказано, что нужный поворот в двадцати минутах езды от Джаррибонга.

Она увидела впереди еще один знак. Прищурилась, наклонившись над баранкой, и прочитала: «„Транквиллум-хаус“ — следующий поворот налево».

Она сделала это. Провела шесть часов за рулем и не свихнулась. Настроение у нее резко улучшилось, но тут же упало, потому что теперь ей уж точно придется довести дело до конца.

— Через один километр поверните налево, — приказал навигатор.